

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

С. С. БУЛГАРА

(К 70-летию со дня рождения гагаузского писателя)

FAIRY TALE IN THE LITERARY WORK OF S. S. BULGAR

(To the 70th anniversary of the birth of the Gagauz writer)*Виталий Сырф,**доктор филологии,**Институт культурного наследия, Республика Молдова**ORCID: 0000-0001-7269-7909*

CZU: 821.512.165.09

Abstract

This paper examines the genre of a fairy tale in the literary work of the Gagauz writer Stepan Bulgar on the material of the collection "Dev adamın oolu" ("Son of a giant"). The tales of this collection have their own specifics in comparison with other tales of the author: they are full of fantasy elements, as well as mythological content, which is associated with the pre-Balkan history of the ancestors of the Gagauz and with their pagan beliefs. Judging by the plots, by the system of characters, by the poetics and style of the texts of fairy tales presented in the collection, one can state the fact that they are written based on folk tales found in the V. A. Moshkov's folklore collection "The Dialects of the Bessarabian Gagauz". The author's contribution of the writer lies in the fact that he creatively approached these fairy tales, not only by making a literary processing of texts, but also by uniting narratives different in plot by a protagonist, the son of a giant.

Keywords: *fairy tale, literary fairy tale, fantasy, mythology, system of characters.*

Волшебные сказки занимают в гагаузском сказочном репертуаре довольно большое место. Они очень популярны в народе. В известных сборниках гагаузского фольклора опубликовано значительное число произведений данной жанровой разновидности.¹

Наше внимание привлекли сказки мифологического содержания. Что же есть мифологического в гагаузских волшебных сказках? Для ответа на этот вопрос мы решили обратиться к творчеству гагаузского прозаика *Степана Степановича Булгара*, издавшего в Кишиневе в 1990 г. литературно обработанные гагаузские народные сказки под общим названием «*Дев адамын оолу*» («*Сын великана*»)².

¹ *См., напр.:* Gavril Gaydarci: T. I. Gagauzların halk yaratmaları / hazırlayannar: P. Çebotar, V. Sırf. [Komrat: S. n.], 2018; Stepan Kuroglo. Gagauz folkloru: araştırmalar hem materiallar / hazırlayannar: P. Çebotar, V. Sırf. Komrat: S. n., 2022. T. I; *Gagauz biiülü masalları = Гагаузские волшебные сказки / proektin öndercisi.* M. Semönova; redaktor: V. Sırf; Maketçi: L. Pioglo. Komrat: S. n., 2022.

² Степан Булгар. *Дев адамын оолу: Масаллар.* Кишинев: Литература артистикэ, 1990.

На наш взгляд, основными элементами мифологии в них являются, во-первых, чудеса, которые происходят по воле персонажей, обладающих волшебными способностями, или по воле чудесных животных, или при помощи волшебных предметов; во-вторых, персонажи фантастического характера, такие как колдуньи *Жады бабу* и *Жады кызы*, великан *Дев*, чудовище *Тенэгöz* и девятиглавый дракон; в-третьих, олицетворение сил природы, мифическое представление о мире, например: ветер, помогающий наказать злую колдунью; высокая гора, где обитают или собираются на гулянья русалки; белый свет и подземное темное царство; в-четвертых, антропоморфизм – уподобление человеку, наделение человеческими свойствами (например, сознанием, речью) предметов, явлений неживой природы, небесных тел, животных, мифических существ (говорящее кольцо, русалка, говорящие животные – волк *Топал Жанавар*, волы *Сакар* и *Чакал*, *Тракалы öкүз*, орел с орлятами, змея).

Все это – следы мифологических представлений гагаузов, проявившиеся в форме сказки, приобретая в ней художественные функции.

Для нас важно то, что сюжеты сказок, чудеса, о которых в них говорится, имеют жизненные основания. Это, во-первых, отражение особенностей труда и быта людей родового и общинного строя, их отношение к природе, часто их бессилие перед ней; во-вторых, отражение особенностей классового (феодалного) строя (падишах – противник героя, получение руки дочери падишаха за победу над злыми силами). Каждая из сказок писателя, каким бы фантастическим содержанием она ни наполнялась, о каких бы волшебных героях ни повествовала, рисует картины труда и быта человека, показывает взаимоотношения между людьми и выражает народное мировоззрение.

Рассматриваемые нами гагаузские волшебные-фантастические сказки имеют своеобразную структуру, элементы которой также создают мифологическое мироощущение. За присказкой, которая встречается далеко не у всех сказок, следует зачин. Его роль – перенести слушателя в сказочный мир. Время и место действия, о которых говорится в зачине, неопределенны, более того – фантастичны. Это дает понять, что события, которые последуют, будут необычны.

Сказка «Тракалы öкүз» («Вол с таланкой») начинается следующим образом: «...Естек-пестек, топал еийä бир кöстек, ким масалы сеслеер – бана ага, ким сеслямеер – аннысына дамга. Заман замандайкана, башак самандайкана, бян саллангачтайкана, дäду деликаныйкана. Бир вакыт вармыш, бир вакыт йокмуш...»³ («...Естек-пестек, хромоту ослу подножка, кто сказку слушает – мне старший брат, кто не слушает – на лоб ему клеймо. Давным-давно, когда колос еще на стебле был, когда я в колыбели был, когда дед холостым был. То ли было, то ли не было...»).

³ *Ibidem*, p. 52.

Помимо присказок и зачинов в гагаузских волшебных сказках часто употребляются устойчивые формулы другого типа, которые определяют особенности персонажей, переходы от одной ситуации к другой, содержат в себе замечания по ходу действия: «Чок му гитмишләр, аз мы гитмишләр, оники йыл, оники гүз йолда гечирмишләр, оники су гечмишләр, оники даа гечәбилмишләр»⁴ («Много ли они шли, мало ли шли, двенадцать лет, двенадцать осенних времен по дорогам проходили, двенадцать вод прошли, двенадцать лесов смогли пройти»); «Уз гитмиш, дүз гитмиш, алты ай бир гүз гитмиш, чилек-үзүм ийерәк, лаалә-зүмбүл бичерәк»⁵ («Прямо шел, ровно шел, шесть месяцев одну осень шел, землянику-виноград поедая, тюльпан-гиацинт скашивая»). Приведенные формулы передают трудность пути и героическую настойчивость главного персонажа. В них также прослеживается фантастическое мироощущение.

Структура сказки подчинена созданию драматически напряженных ситуаций, преодоление их героем обнаруживает его удивительные, порой фантастические, качества.

Состав и расстановка действующих лиц в представляемых нами гагаузских волшебно-фантастических сказках не случайны. Они мотивируются идейным заданием сказок, состоящим в борьбе добрых и злых сил и в победе добра, поэтому основой расстановки персонажей служит антитеза. Персонажи волшебных сказок делятся на положительных и отрицательных, в совокупности они составляют определенную систему образов, в т. ч. мифологических или фантастических.

Центральное место в гагаузской волшебной сказке занимают положительные герои, наделяемые силой, мужеством, смелостью, упорством в достижении цели, красотой, подкупающей прямоотой, честностью и многими другими идеальными физическими и моральными качествами. Их можно назвать персонажами первого ряда (*Дев Оолу, Пеливан, Курти*, младший брат).

Во втором ряду располагаются помощники героя. Без них не обходится ни одна волшебная сказка. В их числе могут быть люди, животные, фантастические существа, чудесные предметы (волк, вол, орел; дед, охраняющий колодец; кольцо и свирель русалки, трехпудовая булава). В такой роли оказываются еще и героини-женщины, которые воплощают собой народный идеал красоты, ума, доброты, смелости (дочь падишаха – *Дүннә Гөзели, Мир-кадына*, три сестры богатыря).

Наконец, в третьем ряду находятся противники героя – коварные, завистливые, жестокие, злые и неблагодарные. Ими могут быть люди или фантастические существа (*Дев, Тенәгөз, Жады бабу*, русалки, змея, девятиглавый дракон; мачеха с тремя дочерьми, *падишах Зулум*).

Рассмотрим подробнее некоторые из указанных выше персонажей мифического или фантастического характера.

⁴ *Ibidem*, p. 35.

⁵ *Ibidem*, p. 42.

Герой-богатырь совершает различные подвиги, в т. ч. фантастические: побеждает *Тепăгџа* и девятиглавого дракона, наказывает русалку за злодеяние, заслуживает руку дочери падишаха, сражается с *Жăды бабу* и побеждает ее. Он многим помогает: животным и птицам, которые ему за это благодарны; братьям, которые часто стараются погубить его. Это – народный герой, воплощение высших моральных качеств: благородства, смелости, честности, доброты. Герой молод, красив, умен и силен.

Огромная говорящая птица *Картал* в благодарность за спасение своих орлят от девятиглавого дракона покровительствует герою. *Картал* сажает его себе на спину и переносит из подземного царства на «светлую землю». Этот сюжет известен мифологиям многих народов, архаическая его форма сохранилась, в частности, в адыгской мифологии: орел переносит героя в иной мир. Как известно, у древних тюркских народов образ *Картала* был связан с шаманским культом.

У древних тюрков был сильно развит и культ волка, восходящий к тотему. Его исконность не вызывает сомнения. Древние тюркские кочевые племена постоянно сталкивались в своей деятельности со степными хищниками, в т. ч. с волками. Культ волка породил в языке наименования-заменители вследствие запрета (табу) произносить имя обожествленного зверя (у гагаузов волка называют разными словами-эвфемизмами: *йабаны*, *Жанавар*, *куйруклу*, *боз куми*, *боз бей* и др.), а древнее прямое название (*курт*) почти забыто.⁶

Предки гагаузов и они сами отмечали и отмечают особые *Волчьи праздники* или *Волчьи дни*, во время которых, по народному преданию, нельзя пользоваться режущими инструментами; они верили в магическую силу волка-тотема, неслучайно на их знамени золотом была вышита волчья голова. В нашей сказке хромой волк (*Топал Жăнавар*) представлен в роли волхва – он пророчит судьбу героя, отводит его от беды.

Исходя из кочевого прошлого гагаузов, можно предположить наличие у них еще таких тотемных первопредков, как вол (бык) и конь.

Образ *дева* или *дэва* широко распространен у иранских и тюркских народов. В гагаузской сказке дев – рогатый великан, с ужасным лицом, покрыт шерстью, обладает огромной силой, но труслив, избегает встреч с человеком. Живет великан подобно человеку, но отличается богатством, владеет чудесными животными и предметами. Похищает красавиц, дочерей падишахов. Герой, воюющий против дева, всегда его побеждает («Пеливан»). Иногда дев вступает в дружбу с героем, помогает тому в его подвигах, как это происходит в сказке «Дев адамын оолу» («Сын

⁶ См. о культе волка у гагаузов: Степан Булгар Жăнавар йортулары: Аннатмаклар. Кишинев: Литература артистикэ, 1990; Михаил Губогло Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире // *Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях* (Этнологические очерки) / Составитель А. Д. Коростелев. М.: Старый сад, 2005.

великана»). Следовательно, образ нашего дева неоднозначен, амбивалентен, то есть двойственен, противоречив: дев выступает и как помощник, и как противник.

Tenägöz – демоническое существо в образе одноглазого великана, близкого к деву, враждебного людям. Играет роль коварного и опасного похитителя красавиц, необычайно силен. *Tenägöz* – популярный в фольклоре гагаузов персонаж. Продолжая устную традицию средневековых эпических сказаний разных народов о циклопах, гагаузские варианты хорошо сохранили черты древних классических форм аналогичных сюжетов.⁷

Слово «тепägöz» тюркского происхождения, обозначает «темя-глаз». Образ *Tenägöza* восходит к великану-людоеду *Дене-Гöзу*, персонажу огузского эпоса «Книга моего деда Коркута».⁸

Сюжет об ослеплении одноглазого великана всемирно известен из греческой мифологии. Но в нашей сказке «Дев адамын оолу» («Сын великана») смерть *Tenägöza* удивительным образом похожа на смерть Кащея Бессмертного, злого чародея в восточнославянской мифологии. Смерть *Tenägöza*, его душа или нечистая сила (*тылсым*) спрятана в нескольких вложенных друг в друга волшебных животных и предметах: «*Пек йыракта вар бир Каз даасы, даайын ичиндä вар бир гөл, орада үзер үч öрдек. Илери гидер бир еркек öрдек. О öрдäйн катысында вар бир ока ташы. О ташын ичиндä вар үч синек. Оннар беним тылсымым*»⁹ («Очень далеко есть Гусиный лес, в котором находится озеро, там плавают три утки. Впереди плывет селезень. В желудке этого селезня имеется камень, весом в одну ока.¹⁰ В камне есть три мухи. Они – моя душа»). Героиня, дочь падишаха, выпытывает у *Tenägöza*, где скрыта его смерть, передает тайну герою-избавителю, который добывает силу великана, и тот погибает.

Жады бабу (старуха) или *Жады кыз* (девушка) – так обычно называют в гагаузской народной речи (и в литературе, соответственно) злую, жестокую, мстительную колдунью с длинными волосами. Живет она в подземном царстве или в лесной землянке. Способна наша ведьма перевоплощаться в различные предметы и живые существа – в колесо, овцу, курицу и т. п.

Связь с подземельем и лесом позволяет предположить, что образ *Жады бабу* восходит к древнему образу хозяйки диких зверей и мира мертвых.

Образ многоголового (в нашем случае – девятиглавого) змея-дракона связывается с существованием у гагаузов культом воды. Чудовище посягнуло на самое дорогое и ценное для жизни народа, и неслучайно поэтому мы встречаемся в одной из наших сказок с поединком между младшим братом и змеем у родника, в

⁷ Любовь Чимпеш. *Мифический образ Тенягёза в фольклоре гагаузов // Ştiinţa*. 1996, nr. 2, p. 11.

⁸ *Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос* / перевод акад. В. В. Бартольда. Изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.–Л.: Наука, 1962.

⁹ Степан Булгар. *Дев адамын оолу...*, pp. 18, 20.

¹⁰ *Ока*, точнее: *ока* (тюрк.) – *здесь*: мера веса, равная 1 кг 283 г.

котором верх одерживает богатырь. Змей в мифологии тюркоязычных народов, в т. ч. и гагаузов, – злой демон (*аждер*).

Таким образом, на примере сказок С. С. Булгара нами выявлены мифологическая система персонажей гагаузской волшебной сказки, а также сказочные мотивы и сюжеты, в которых просматриваются зачатки словесной магии древних тюрков, а также их мифологические представления о природе и обществе. В гагаузской волшебной сказке прослеживается прямая связь с добалканской историей гагаузов, восходящей к язычеству.

Многие фантастические образы и мотивы устного народного творчества гагаузов отражены в мифологических и сказочных представлениях народов тюркского и нетюркского мира. Это говорит, с одной стороны, о преемственности культурных традиций с древнейших времен, с другой – о результатах межэтнических контактов с совместно проживающими народами.

Гагаузский сказочный мир хранит в себе еще много непознанного и тайного. Его мифологию и фантастику следует продолжать исследовать на образцах других волшебных сказок, которыми так богато устное народно-поэтическое творчество гагаузов.

Библиография

1. Булгар С. *Дев адамын оолу: Масаллар*. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.
2. Булгар С. *Жанавар йортулары: Аннатмаklar*. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.
3. Губогло М. *Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки) / Составитель А. Д. Коростелев. М.: Старый сад, 2005.*
4. *Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / перевод акад. В. В. Бартольда. Изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.–Л.: Наука, 1962.*
5. Чимпоеш Л. *Мифический образ Тенягёза в фольклоре гагаузов. Știința, 1996, nr. 2, 11.*
6. *Gagauz büiülü masalları = Гагаузские волшебные сказки / proektin öndercisi: M. Semönova; redaktor: V. Sırf; Maketçi: L. Pioglo. Komrat: S. n., 2022.*
7. *Gaydarçı Gavril. Gagauzların halk yaratmaları / hazırlayannar: P. Çebotar, V. Sırf. [Komrat: S. n.], 2018.*
8. Kuroglo Stepan. *Gagauz folkloru: aaraştırmalar hem materiallar / hazırlayannar: P. Çebotar, V. Sırf. Komrat: S. n., 2022. T. I.*